

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА IX – XIX ВЕКА

© В.Р. Аминова, А.М. Булатова
Казань

ЛИЧНОСТЬ И ЕЕ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ОРИЕНТАЦИИ В РУССКОМ И ТАТАРСКОМ РОМАНАХ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Проблема личности – центральная проблема романа, которая разрабатывается как проблема сознания человека, его отношений с миром, структура его ценностно-смысловых ориентаций. Последние нередко имеют облик идей и жизненных программ, но часто бывают и внерациональными, непосредственными, интуитивными.

Как свидетельствуют работы М.М. Бахтина, В.В. Одинокова, Д.Е. Тамарченко, А.Я. Эсалнек и других, идея как предмет изображения, исследование процесса взаимодействия личности и идеи – жанрообразующие, конструктивные признаки русского романа.

В данном выступлении мы попытаемся выяснить, как реализация культурных концептов “личность и идея”, “разум и чувство” в русском и татарском романах влияют на национальную форму жанра.

В русской литературе XIX века герой интересен, прежде всего, своей идеей, той правдой-истиной, ради которой он готов и жизнью пожертвовать.

Обозначенная проблематика обращает нас в русской литературе, прежде всего, к творческому опыту Достоевского, герои которого одержимы той или иной идеей, во многом определяющей сущность их характеров.

Для человека восточной культуры, как показано в многочисленных исследованиях, посвященных данной проблеме, характерны такие черты отношения к миру, как потребность уйти в себя, наслаждение самой жизнью, такой, какая она есть, интровертная организация духовной жизни. Этим объясняется то, что внимание татарских писателей обращено, прежде всего, на эмоциональное состояние человека. Так, например, Г. Ибрагимов в романе “Молодые сердца” с необыкновенной

яркостью, убедительностью сумел изобразить эмоционально-душевное состояние героев. Татарский писатель наделяет своих героев не исключительной идеей, а исключительной способностью верить и чувствовать. Это особенно ярко проявляется как в любви Зыи к музыке, так и в возвышенно-эмоциональных чувствах Марьям и Зыи.

Музыка становится для Зыи высшей ценностью, абсолютом, откровением Бога на земле, любовь к ней равна религиозному служению. «Слово «любовь» не выражает моего отношения к музыке... Я не только люблю, я преклоняюсь перед ней... Она, по-моему, намного выше слов и определений...», – говорит Зыя [1]. Зыя преисполнен веры в то, что искусство спасет мир, его преданные служители-подвижники откроют и возвестят истину, а он своей музыкой сумеет разбудить свой народ, «осветить темную жизнь».

Наиболее ярко богатство эмоциональной жизни героев раскрывается в любви. Любовь Марьям и Зыи поднимает их над обыденностью существования, приобщает их к чему-то высшему, неповторимо прекрасному. Но с такой же очевидностью показано и другое: нет выхода из жизненных противоречий и трудностей, из их запутанности и неразрешимости. Об этом свидетельствует и одна из самых романтических сцен в романе – ночное свидание в саду Марьям и Зыи, которое заканчивается трагически: «Все кончено, никакой надежды!» – рефреном повторяется в тексте.

Жанрообразующий фактор романа – конфликт, как показано в работах 1970-1980-х гг., – возникает из отношения «человек – мир», в котором человек неоднозначен, незавершен; а мир лишен наивной целостности, являя собой единство противоречий [2]. В основе романного конфликта может лежать несоответствие между идеальной целью героя и его потребностью любви и счастья, противоречие между устремлением человека к свободному самоутверждению и состоянием мира, враждебным или не во всем благоприятствующим реализации этого стремления. Это обобщение сделано на материале произведений русских и европейских писателей.

На языке структурно-семиотических теорий взаимоотношения человека и мира в русском романе можно определить как дизъюнкцию (определение И.П. Смирнова), что обусловлено дуалистичностью (термин Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского) русского мышления, недопускающего ничего промежуточного, плавного, смешанного. Дизъюнктивность создает резкое несоответствие между ролями, которые человек играет в общественной, личной жизни.

В татарском романе модель мира создается иным типом отношений, названным И.П. Смирновым отрицанием конъюнкции, которая означает, что «у двух множеств нет ничего общего, что два явления несовместимы, существуют изолированно» [3].

Так, идеально-романтические герои Г. Ибрагимова в романе «Молодые сердца» показаны не столько в конфликтных отношениях с конкретными лицами, сколько в постоянном столкновении с объективными обстоятельствами – социально-правственными устоями старого татарского общества.

Сопричастность Зыи открывшимся ему ценностям (свобода, красота, любовь) и одновременно отторгнутость от них находит выражение в монологах, которые можно интерпретировать как развернутую метафору исступленной молитвы: «О-о, господи! Дай терпение! Дай выдержку!.. Пусть жизнь станет вольной, каждый – свободным, пусть в мире властвуют красота и свобода...» [4].

Однако текст структурируется так, что всякое и-отношение, складывающееся между героем и Богом, к которому он обращается за помощью, тут же дезавуируется в качестве лишь формального акта объединения.

Дизъюнктивное мышление русских писателей XIX века определяет и подход автора к оценке и осмыслению изображаемых событий. Яркий пример – романы Достоевского. В. Шмид, полемизируя с идеями М. Бахтина, убедительно доказывает, что смысловую фактуру «Братьев Карамазовых» характеризует отнюдь не полифония, а «колебание между двумя исключаящими друг друга смысловыми позициями» [5]. Двухакцентность позиции автора, о чем свидетельствуют многочисленные исследования, – типологическая черта русского романа XIX века, хотя реализуется она по-разному в творчестве Лермонтова, Гончарова, Тургенева.

В татарской прозе начала XX века складывается иная концепция повествования. Автор не отделяет себя от героя, прислушивается к его слову, дает ему переживать, думать, говорить до конца, зачастую даже заменяя себя им.

Роман «Молодые сердца» захвачен стихией исповедального слова: рассказ ведется с точки зрения Зыи, Марьям, в результате изображаемый мир выглядит таким, каким воспринимают его герои. На авторскую речь накладывает отпечаток их душевное состояние.

Однако эта ориентированность не сводится к простой солидарности автора с героем и не равнозначна их романтическому слиянию. «Внутринаходимость» становится эстетическим принципом, позволяющим познать героя, не завершая его образа поспешной оценкой, не противопоставляя его субъективной правде своего «авторитетного», «неоспоримого» слова. «Внутринаходимость» определяет такие жанрово-композиционные особенности романа «Молодые сердца», как исповедальность, обращение к сказовой форме

повествования, переплетение повествования о жизни героев с публицистическими и лирическими отступлениями.

Такая концепция наррации оспаривает право автора «быть вне жизни и завершать ее», подразумевает «глубокое недоверие ко всякой вненаходимости», которую М.М. Бахтин сравнивает с «имманентизацией Бога» [6], то есть «внутринаходимость» имеет такое же конститутивное значение, как и противоположная ей позиция.

Примечания

1. Ибрагимов Г. Молодые сердца. Казань, 1980. -С.125.
2. Лейтес Н С. Роман как художественная система. Пермь, 1985. 79с.
3. Смирнов И.П. О древнерусской культуре, русской национальной специфике и логике истории. Wien, 1991. С.78.
4. Ибрагимов Г. Молодые сердца. Казань, 1980.-С.142
5. Шмид В. Проза как поэзия. СПб., 1998. С.171–193.
6. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. 1986. С.176.

© В.Р. Аминева, Л.Г Гибадуллина

Казань

ПРОБЛЕМА СУДЬБЫ И СЛУЧАЯ В РУССКОМ И ТАТАРСКОМ РОМАНАХ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Проблема свободы и необходимости, столь значимая для романного жанра, воплощается в категориях судьбы и случая. Последние – и предмет рефлексии героев и повествователя, и свойства, объективно присущие как самой жизни, так и процессу её постижения в человеческом сознании. Решение данной проблемы фиксирует и связь категорий жанра и метода. Понимание соотношения судьбы и случая тесно связано с концепцией мира и человека в творчестве того или иного писателя.

Отношение к судьбе и случаю составляет важную характеристику национального самосознания, во многом определяет своеобразие западного и восточного типа культуры. Таким образом, категории судьбы и случая и их реализация в художественной системе произведений могут быть использованы в качестве одного из параметров сопоставления романов, принадлежащих к разным национальным литературам.

Предметом исследования стали романы М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и Г. Ибрагимова «Молодые сердца». Основой для сопоставления произведений Ибрагимова и Лермонтова является близость творческих принципов писателей. Оба художника исходят из романтической концепции судьбы как враждебной человеку силы. Философия судьбы и случая ярко отражает своеобразие национального мировосприятия, духовной культуры людей. Возникновение этого понятия в тексте непременно